

Лу Юань давно заметил, что Вэнь Тин — очень прагматичный человек. Если бы не долги перед ростовщиками, если бы у него был выбор, он, возможно, никогда бы не пошёл петь в Тяньцзинь.

И даже его согласие присоединиться к ним для участия в прослушивании было вызвано не настоящей любовью к музыке, а лишь тем, что на данный момент музыка — это самый простой способ выбраться из трясины и предстать перед Тао Янем чистым и достойным.

Вэнь Тин был не таким, как они. И Лу Юань, и Шэнь Сяочжоу искренне любили музыку, но Вэнь Тин — нет.

Иногда Лу Юань задумывался, что, хотя сейчас им удалось вовлечь Вэнь Тина в их группу, трудно сказать, сколько времени продержится этот энтузиазм. А в группе вокалист, без сомнения, является её душой. Если Вэнь Тин уйдёт, это будет означать, что все их предыдущие усилия пойдут прахом.

Но увидев сегодня такого решительного Вэнь Тина, Лу Юань вдруг понял, что их с Шэнь Сяочжоу опасения были напрасны.

По крайней мере, сейчас они были напрасны. Что касается будущего... будущее покажет. В любом случае, работать с таким товарищем по команде — это прекрасно, не так ли?

Когда музыка на сцене дошла до последнего аккорда, Лу Юань взглянул на своих товарищей и спросил:

— Готовы?

Шэнь Сяочжоу глубоко вдохнул и энергично кивнул:

— Готов!

Вэнь Тин лёгким движением пальца коснулся зелёного браслета на левом запястье, в его прекрасных глазах мелькнула нежность и непоколебимая решимость.

— Пошли, — сказал он и первым вышел на сцену.

Они получили не самое удачное время для выступления — не начало и не завершение вечера. Гости пришли в бар развлекаться, и их энергия не бесконечна. Хорошие исполнители могут увлечь их, но этот энтузиазм не может длиться вечно. Со временем они начинают уставать.

Они больше не так активно реагируют, как в начале, и часто предпочитают поболтать с друзьями, выпить или посидеть в телефоне, их внимание рассеивается.

Сейчас Вэнь Тин и его группа оказались в этой неопределённой атмосфере. Перед ними выступал человек, который пел две народные песни, не слишком энергичные, поэтому, когда он ушёл со сцены, реакция зрителей была сдержанной.

На сцене был только один белый луч света. Вэнь Тин медленно вышел под этот свет, оглядев зал. Несмотря на тусклое освещение и заполненные ряды, он сразу же заметил Тао Яня, сидящего у стеклянного ограждения на втором этаже.

Увидев кудрявого паренька, стоявшего под светом и будто излучавшего сияние, Тао Янь с удовольствием улыбнулся и, подражая другим, сделал жест.

Он прижал указательный палец к большому, неосознанно посылая Вэнь Тин сердечко.

Увидев этот жест, Вэнь Тин, который уже собирался взять микрофон, замер, растерянно стоя под светом. Его лицо было скрыто в тени, и никто не мог разглядеть его выражения.

Если бы в баре включили все лампы, зрители были бы удивлены, увидев, что уши черноволосого парня на сцене покраснели до корней!

Но, к счастью, свет в баре был тусклым, и большинство зрителей ничего не заметили.

Как только Вэнь Тин вышел на сцену, Лу Юань хлопнул Шэнь Сяочжоу по голове и подмигнул:

— Давай, гитарист!

Шэнь Сяочжоу удивился, хотел что-то спросить, но Лу Юань не дал ему времени. Он вышел на сцену, но не встал на место гитариста, как они договорились, а сел за барабанную установку в углу сцены.

Это... это не то, что они обсуждали!

Увидев его действия, Шэнь Сяочжоу растерялся, но времени на перестановку уже не было. Он стиснул зубы, взял свою гитару и вышел на сцену, встав позади Вэнь Тина справа.

Свет на сцене постепенно погас, и в баре раздался не слишком громкий, но очень захватывающий ритм барабанов. Шэнь Сяочжоу взглянул на Лу Юаня, несколько раз глубоко вдохнул, крепче сжал медиатор и, наконец, решился, начав мягко перебирать струны, следуя ритму.

Услышав знакомую мелодию, несмотря на яркий свет софитов, Вэнь Тин упрямо открыл глаза, чтобы в последний раз взглянуть на второго этажа, а потом закрыл их и запел слова, которые уже повторял бесчисленное количество раз.

Голос Вэнь Тина был тихим, но словно мог пронзить любые преграды и достичь самого сердца. Людей невольно притягивал этот голос — без излишних технических приёмов, без надрывного крика, он просто стоял и пел знакомую мелодию.

Его голос был слегка хриловатым, и именно эта хрипотца полностью изменила настроение песни — она стала менее беззаботной, как в оригинале, и более решительной, каждое слово словно проникало в душу.

Как и говорил Лу Юань в самом начале, Вэнь Тин от природы обладал прекрасным голосом, но ещё более редким было его умение передавать эмоции. Когда песня достигла кульминации, голос Вэнь Тина слился с барабанами Лу Юаня и гитарой Шэнь Сяочжоу, и эмоции, которые до этого сдерживались, хлынули наружу, как бурный поток.

Под влиянием этой музыки и пения многие зрители больше не могли усидеть на месте. Те, кто знал песню, подпевали Вэнь Тин, а те, кто не знал, но не мог сдержать эмоций, подхватывали мелодию. Некоторые даже встали со своих мест, достали телефоны и начали махать ими в такт музыке.

— Это тот самый «молодой человек», о котором ты говорил? — Черноволосый мужчина, сидевший с Тао Янем на втором этаже, опустил свой бокал и, не отрывая взгляда от сцены, спросил.

Тао Янь не ответил, а лишь сделал жест, призывая к тишине. Его взгляд был прикован к Вэнь

Тину, который полностью погрузился в музыку. Такой сосредоточенный, сияющий Вэнь Тин был поистине завораживающим, настолько ярким, что невозможно было отвести взгляд.

Даже всегда сдержанный Тао Янь не был исключением.

«...

Даже если это лишь миг огня,

Он осветит всю галактику.»

Когда последняя строчка песни была спета, лоб Вэнь Тина покрылся мелкими капельками пота, его одежда промокла, но его чёрные глаза сияли, как звёзды.

Шэнь Сяочжоу и Лу Юань за его спиной выглядели не лучше. Шэнь Сяочжоу был весь мокрый, словно его только что вытащили из воды, пот капал с его лица на пол сцены, но он, казалось, совсем не чувствовал усталости, его лицо светилось от возбуждения и с трудом сдерживаемой радости.

Это было невероятно! Такой потрясающий концерт — ничего лучше и быть не могло!

Из троих только Лу Юань, сидевший за барабанами, выглядел чуть лучше, но и он был весь мокрый, его одежда прилипла к телу. Хотя он не был так взволнован, как Шэнь Сяочжоу, в его глазах тоже читалось лёгкое возбуждение.

Аплодисменты, казалось, готовы были затопить весь бар, а крики и возгласы не отставали, сливаясь с ними в единый поток. Эти аплодисменты и крики были самой искренней оценкой их выступления.

Но Вэнь Тин сейчас был совершенно не в настроении обращать на это внимание. Он быстро поднял голову, взглянул на угол второго этажа и, увидев стройную фигуру Тао Яня, сжал губы, положил микрофон на стойку и поднял обе руки, сделав жест в сторону второго этажа.

Его движение вызвало бурные крики и аплодисменты зрителей, многие решили, что это было обращение к ним, и начали в ответ показывать сердечки.

Увидев жест Вэнь Тина, Тао Янь на втором этаже сначала удивился, а потом рассмеялся. Сегодня кудрявый паренёк был... слишком милым.

Вэнь Тин: Учитель послал мне сердечко (///▽///) Я буду посылать учителю сердечки всю жизнь!!

<http://bllate.org/book/16192/1452711>